

Мир СКВОЗЬ ОЧКИ

рассказ

Милена Де Вейн

18+

Милена Вейн

Мир сквозь очки

<https://litres.ru/74222864>

SelfPub; 2026

Аннотация

На бруклинской кухне за дешёвым вином спорят две эмигрантки: Маша, сбежавшая из разрушенного СССР в 90-е, и Алина, уехавшая в 2010-е. Предмет спора — феномен «интердевочек» эпохи распада империи. Для сытой Алины это был прагматичный выбор «лёгких» денег. Для Маши — жестокая арифметика выживания.

Маша показывает три слоя правды: от красивого бунта конца 80-х до настоящего ада середины 90-х. Символом этой безысходности становятся очки интеллигентной чертёжницы Люды: она снимает их, отправляясь на панель, потому что смотреть на эту реальность вёлкую и резкую — невыносимо.

Это история о том, как время переписывает трагедии и как каждый из нас смотрит на мир сквозь очки собственных иллюзий.

Содержание

Мир сквозь очки	4
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Милена Де Вейн

Мир сквозь очки

Мир сквозь очки

I. Законы нью-йоркской физики

В Нью-Йорке спорить о морали — всё равно что обсуждать качество воздуха в метро. Все знают, что оно дрянь, но альтернатива — ходить пешком по Бруклинскому мосту в июльскую жару. А в июле Бруклинский мост плавится, испуская густой, пахнувший корицей и машинным маслом чад, в котором нет места никаким идеалам.

За столом сидели две волны русской эмиграции. Стол был из ИКЕИ, ламинированный под дуб, но с облупившимся углом, который Маша аккуратно подклееила скотчем.

Маша уехала в девяносто четвёртом. Она помнила запах сырой штукатурки в НИИ, талоны на сахар цвета дизентерийного кала и то особенное, ни с чем не сравнимое чувство, когда ты стоишь в очереди за синими курами, а перед тобой вклинивается хамоватый тип в малиновом пиджаке. Маша уехала не за американской мечтой. Она уехала, спасаясь от ощущения,

что её родина превратилась в комиссионный магазин, где за бесценок продают её диплом инженера-гидротехника. В Бруклине она тридцать лет сидела на кассе в аптеке и научилась презирать людскую суету с профессиональным спокойствием сфинкса.

Алина приехала в тринадцатом. У неё был свежий гель-лак цвета «пыльная роза», айфон в силиконовом чехле и искреннее убеждение, что мир создан для того, чтобы им любовались в соцсетях. Алина считала себя «селф-мейд», хотя её главным трудовым подвигом на родине была работа SMM-менеджером в салоне эпиляции «Клеопатра».

Спору предшествовала бутылка вина за шесть долларов — напиток с суровым характером и отчетливым вкусом спирта, дешёвой дубильной кислоты и нью-йоркской безысходности.

— Ты ничего не понимаешь, Алина, — говорила Маша, аккуратно срезая корочку с сыра «Гауда». — Девяностые — это не кинематограф. Это не Балабанов и не «Бригада». Девяностые — это когда у тебя ребёнок просит яблоко, а у тебя в кошельке только три трамвайных билета и купон на покупку отечественной обуви. Если девчонки тогда выходили на Тверскую или шли в валютные бары, они шли туда не за шубами. Они шли за едой. Это был выбор между панелью и голодной смертью. Чистая физиология. Жёсткий выбор

без выбора.

— Маш, ну какой голод? — Алина изящно поправила прядь. — Мы же в двадцать первом веке, давайте без этой советской драмы. Моя троюродная тётя в Питере в девяностые на интердевочковые доходы купила три квартиры, открыла турфирму и улетела жить в Марбелью. Какая безысходность? Просто пока все остальные ждали коммунизма и строили из себя гордых, шустрые девочки поняли, где крутятся нормальные бабки. Жажда лёгкой жизни, обычный прагматизм. Вы просто романтизируете страдания, потому что вам так проще оправдать то убогое время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.